

Ю. Ф. Грицай

●

**«История села Горюхина» А. С. Пушкина —
литературный прототип «Истории одного города»
М. Е. Салтыкова-Щедрина**

В дореволюционном и советском литературоведении не раз уже высказывалось мнение, что повесть Пушкина «История села Горюхина» подготовила знаменитую сатиру на город Глупов М. Е. Салтыкова-Щедрина. На близость этих произведений было обращено внимание уже в прошлом столетии, причем тогда делались попытки противопоставить повесть Пушкина «Истории одного города» Щедрина. В этом плане высказывался один из реакционных критиков, обвинявший сатирика в «безусловно отрицательном отношении к России, к русской истории, к русскому народу и ко всему русскому»¹. Такие высказывания искажали значение не только щедринской сатиры, но и пушкинской повести, сводя в ней критику крепостничества к показу «невежества горюхинцев и их грубых нравов»².

Вопрос о характере близости пушкинской и щедринской «Историй» до настоящего времени остается нерешенным, еще не делалась попытка их параллельного прочтения, не приведены конкретные доказательства этой близости. В научной литературе имеются лишь отдельные высказывания по данной теме: «Горюхино» вырастает до значения символического образа. «История села Горюхина» должна была создать свой жанр. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» будет применять те же художественные приемы, что и автор «Истории села Горюхина»³; «Учась у Пушкина методу реалистического воспроизведения жизни, сатирик особое внимание уделил его сатире, в частности политическим эпиграммам. Известно также, что «История села Горюхина» Пушкина послужила исходной точкой при создании Щедриным величайшей сатирической хроники «История одного города»⁴; «Тема «Горюхина» после Пушкина своеобразно воскресла лишь гораздо позже: с одной стороны, в поэзии Некрасова, с другой — в таком большом художественном обобщении, как «История одного города» Салтыкова-Щедрина»⁵; «...пушкинская «История села Горюхина», не без основания признаваемая в качестве художественного прототипа щедринской «Истории одного города», находит в рассказе «Наши глуповские дела» самое близкое соотвествие в выдержках из «журнала» глуповского обывателя Фрола Лаврентьевича Ржаницева»⁶ и т. д. Мало об этом сказано и в монографии Е. И. Покусаева: «Что касается отечественной литературной традиции, к которой примыкала «История одного города», в этом случае справедливо в первую очередь назывался Пушкин, его «История села

¹ Н. Н. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, стр. 574.

² Там же, стр. 572.

³ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. 2-я. М., 1929, стр. 546.

⁴ С. Горячкина. М. Е. Салтыков-Щедрин. Пособие для учителей средней школы. М., Учпедгиз, 1952, стр. 95.

⁵ История русской литературы, т. VI. М.—Л., АН СССР, 1953, стр. 268.

⁶ А. С. Бушмин. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 49.

Горюхина». Поистине гениально найденную Пушкиным художественную форму воспринял и блестяще разработал С.-Щедрин сообразно с идейным замыслом своей сатиры»⁷. А в специальных работах об «Истории одного города», написанных в 40—60-е годы нашего века, пушкинская повесть даже не упоминается в качестве возможного литературного образца, которым мог воспользоваться Салтыков-Щедрин⁸. Тем самым умаляется роль А. С. Пушкина в формировании щедринской сатиры. Автор же «Истории одного города», как будет показано дальше, многому учился у Пушкина, работая над своим произведением. Салтыков-Щедрин продолжил его начинание в «Истории села Горюхина», но в отличие от своего великого учителя «неизмеримо углубил... критику существующего социального строя, дал яркие социальные обобщения, сделал четкие революционные выводы относительно судьбы эксплуататорских классов»⁹.

Более конкретные соображения о близости «Истории одного города» к пушкинской повести содержатся в статье А. Г. Гукасовой об «Истории села Горюхина», опубликованной в 1954 г.¹⁰, но они даются в ином плане — в связи с полемикой о повести Пушкина.

Близость «Истории одного города» к повести А. С. Пушкина ощущается в идейной направленности, характере обобщения, в форме повествования, языке и стиле, в деталях сюжета. Село Горюхино было воспринято читателями как символ закрепощенной России. Да и сам Пушкин намекал на это словами Ивана Петровича Белкина: «Страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин»¹¹. Слова «страна», «столица», «земной шар» в употреблении Белкина должны были означать, что он смотрит на свою «Историю» очень серьезно. И все же значение этой фразы Белкина не исчерпывается только иронией, — в ней заключено указание, что в «Истории села Горюхина» речь идет не об одной деревне, а обо всей России. Так интерпретируется образ села Горюхина и в советском пушкиноведении¹².

Воспользовавшись пушкинским приемом, Щедрин в своей «Истории» также придал обобщенный смысл образу города Глупова, сообщил ему значение символа самодержавно-деспотической царской России. Чтобы сблизить с толку цензуру, Пушкин прикрыл антикрепостническую направленность своей повести формой исторического рассказа, Салтыков-Щедрин последовал этому примеру, и это помогло ему осуществить более трудную, чем у Пушкина, задачу: если автор «Истории села Горюхина» высмеивал крепостническую систему, то Салтыков-Щедрин — деспотическую самодержавную власть.

«Исторической части» в обоих произведениях предшествуют предисловия: у А. С. Пушкина — от имени Белкина, у М. Е. Салтыкова-Щедрина — от «издателя». Эти предисловия сходны по смыслу и местами даже имеют текстуальные совпадения. Рассказ Белкина о том, как он пришел к мысли написать историю своей вотчины, Салтыков-

⁷ Е. И. Покусаев. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М., Гослитиздат, 1963, стр. 25.

⁸ М. О. Габель. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Научные записки Харьковского пед. ин-та», т. 3. Харьков, 1949, стр. 61—95; В. Н. Гицкий. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автореф. канд. дисс. М., 1941;

⁹ Г. В. Иванов. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автореф. канд. дисс. Л., 1963.

¹⁰ М. С. Горячкина. М. Е. Салтыков-Щедрин. М., Учпедгиз, 1953, стр. 94.

¹¹ А. Г. Гукасова. «История села Горюхина» А. С. Пушкина. — «Ученые записки Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. 70. М., Учпедгиз, 1954.

¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 6. М.—Л., АН СССР, 1950, стр. 185—186. Далее ссылки в тексте даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

¹² История русской литературы, т. 6. М., АН СССР, 1953, стр. 267.

Щедрин положил в основу двух фрагментов «Истории одного города»: предисловия «От издателя» и «Обращения к читателю от последнего архивариуса-летописца». В этом нетрудно убедиться, сопоставив такие детали: Белкин намеревался написать эпическую поэму, «почерпнутую из отечественной истории», с Рюриком во главе; щедринские архивариусы, не желая уступить «древним эллинам и римлянам», тоже решили «неумытными устами воспеть хвалу» своим «преславным Неронам», «кои не безбожием и лживою еллинскою мудростью, но твердостью и начальственным дерзновением преславный наш град Глупов... украсили»¹³. У Белкина с поэмой ничего не вышло, на третьем стихе он оставил ее, почувствовав, что не рожден быть поэтом, и «низошел к прозе» — стал обрабатывать анекдоты, «некогда слышанные от разных особ, и старался украсить истину живостью рассказа, а иногда и цветами собственного воображения». Так «мало-помалу» он «образовал... свой слог и приучился выражаться правильно, приятно и свободно» (181—182).

Нечто подобное говорит и щедринский архивариус в «Обращении к читателю»: «Не имея дара стихослагательного, мы не решились прибегнуть к бряцанию и, положась на волю божию, стали излагать достойные деяния недостойным, но свойственным нам языком («смиренной прозой», сказал бы Иван Петрович Белкин. — Ю. Г.), избегая лишь подлых слов» (279). Смиренный тон рассказа архивариуса, подчеркивание скромности своих литературных возможностей напоминает манеру Белкина, который рассуждает так: «Но какую историю мог я написать с моею жалкою образованностью, где бы не предупредили меня многоученые, добросовестные мужи?.. И мне ли рыться в летописях и добираться до сокровенного смысла обветшалога языка, когда не мог я выучиться славянским цифрам» (182). У Щедрина: «Но, предпринимая столь важную материю (воспеть Неронов города Глупова. — Ю. Г.), я не раз вопрошал себя: по силам ли будте мне сие бремя?» (275). Аналогия в сопоставляемых рассуждениях очевидна.

Предисловие от имени Белкина в пушкинской повести довольно пространно — и в этом была своя логика: надо было мотивировать сочинительские занятия владельца Горюхина, объяснить возникновение самой идеи написать историю вотчины и дать более полное представление о личности рассказчика как литературного персонажа. Это предисловие в сочетании с письмом владельца Ненарадова к «издателю» воссоздает яркий образ гуманно настроенного молодого дворянина, который решил стать «писателем» и «историком».

Автор «Истории одного города» сохранил схему пушкинской мотивировки, но значительно ее упростил, заменив вымышленного рассказчика «издателем», в результате чего отпала необходимость в обширной мотивировке.

Ограниченность и невежество «авторов» у А. С. Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина зачастую условны: иногда и Белкин, и архивариус высказывают такие мысли, которые были бы подстать самим создателям «Историй». Например, во фразе «Не знаешь, что более славословить: власть ли, в меру дерзающую, или сей виноград, в меру благодарящий» — правдоподобно для архивариуса только употребление слова «виноград» вместо «вертоград», а все остальное — стиль, идейная острота — ему были бы не под силу. Да и реальный Белкин едва ли мог написать «Историю села Горюхина».

В обоих произведениях дано указание на первоисточники для написания истории Горюхина и истории Глупова. Пушкинский Белкин рас-

¹³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 9. ГИХЛ, 1934, стр. 273. Далее в тексте даются ссылки по этому изданию с указанием страницы в скобках.

сказывает: «Я думал об истории меньшего объема, например, об истории губернского нашего города; но и тут столько препятствий для меня неодолимых! Поездка в город, визиты к губернатору и архиерею, просьба о допущении в архивы и монастырские кладовые и проч. История уездного нашего города была бы для меня удобнее, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика, и представляла мало пищи красноречию» (182).

В предисловии «От издателя» к щедринской «Истории» сообщаются данные почти такого же свойства: «Давно уже имел я намерение написать историю какого-нибудь города (или края) в данный период времени, но разные обстоятельства мешали этому предприятию. Преимущественно же препятствовал недостаток в материале, сколько-нибудь достоверном и правдоподобном. Ныне, роюсь в глуповском городском архиве, я случайно попал на довольно объемистую связку тетрадей, носящих общее название «Глуповского летописца» и, рассмотрев их, нашел, что они могут служить немаловажным подспорьем в деле осуществления моего намерения» (275).

Старинные календари, использованные владельцем Горюхина, «представляли полную историю вотчины в течение почти целого столетия» (183; разрядка наша.—Ю. Г.); глуповский летописец собрал данные о деятельности градоначальников, преемственно управлявших городом Глуповым также «в течение почти целого столетия» (275; разрядка наша.—Ю. Г.). Белкин пишет историю вотчины преимущественно на материале календарей, случайно найденных ключницей на чердаке горюхинского дома. В основу истории Глупова положен «Глуповский летописец», также случайно найденный в городском архиве. Оба эти источника охватывали различные стороны жизни времени, интересовавшего обоих авторов. В обеих «Историях» дается характеристика использованных источников. Сходна и методика их обработки: из них выбираются наиболее характерные записи, в которых самая суть обличаемого социального зла.

В описаниях внешнего вида «источников» также есть сходство. У Пушкина — «синие листы бумаги, обыкновенно влетаемые в календари... все исписаны старинным почерком... с титлами и без титлов, вообще плодovито, несвязно и без соблюдения правописания» (183, 185); У Щедрина — «Внешность «Летописца» имеет вид самый настоящий, то есть такой, который не позволяет ни на минуту усомниться в его подлинности: листы его так же желты и испещрены каракулями, так же изъедены мышами и загажены мухами, как и листы лютого памятника годовинского древлехранилища» (276). Салтыков-Щедрин здесь не просто повторяет пушкинский образец — в готовую форму он привносит новое содержание сообразно с целями и характером своей сатиры и заодно делает выпад против Погодина, которого не раз вспоминает в произведении с едкой иронией.

За предисловиями в обеих «Историях» следуют исторические экскурсии: «Баснословные времена» — у Пушкина, «О корени происхождения глуповцев» — у Щедрина. В их содержании есть и общее, и то, что их существенно отличает. Щедринская критика «прошлого» с многочисленными подробностями и авторскими комментариями несравненно более полная, чем у Пушкина, что отчасти обусловлено полемической заданностью «Истории одного города». По словам «историка» Белкина, горюхинцы в прошлом были вольными, потом оказались в кабале у помещика; щедринские головотяпы тоже были вольными, но «протакали» свою волю, отдав себя во власть жестокого князя, за что он и повелел им впредь называться глуповцами. А когда они опомнились и осознали случившееся, по словам летописца, «воздыхали не ослабляючи, вопияли сильно» (284).

Рассказ о прошлом горюхинцев ведется в серьезном тоне, хотя некоторые высказывания и окрашены легкой иронией, например: «В то время все покупали дешево, а дорого продавали. Обитатели работали мало, а жили припеваючи» (191). К этому месту дан любопытный комментарий автора: «Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотом веке сродни всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежд на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения» (191). Эти рассуждения, на первый взгляд выражающие житейскую наблюдательность, прикрывали негативное отношение Пушкина к крепостничеству.

«История села Горюхина», полемичная в той своей части, которую можно было бы назвать введением в «баснословные времена», явилась для Щедрина примером и в этом отношении. Белкин говорит: «Обращусь ли к истории отечественной? Что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова?» (182). Этим простодушным восклицанием рассказчика Пушкин хотел подчеркнуть мысль, что после Татищева, Болтина и Голикова было что сказать о жизни народа, которую «высокоученые мужи» непростительно игнорировали. Поэтому обращение Белкина к истории своей вотчины, мотивированное скромностью его познаний и способностей, на самом деле имело куда более глубокий смысл¹⁴.

Глава «О корени происхождения глуповцев» в «Истории одного города» от начала до конца полемична, насыщена едкой иронией, сила которой определялась, с одной стороны, самим объектом изображения, а с другой — отрицательным отношением сатирика к исторической концепции школы Погодина, решавшей вопрос о происхождении Русского государства в духе «официальной народности». Полемическая направленность ощутима и в других главах «Истории одного города». Например, в главе «Войны за просвещение» пародируются мечты славянофилов об объединении всех славян под скипетром российской короны. Градоначальник Василиск Бородавкин десять лет сочиняет проект «О вящем армии и флотов по всему земли лицу распространении, дабы через то возвращение древней Византии под сень Российския державы уповательным учинить...». Выпад против славянофилов есть и в главе «Обращение к читателю» — архивариус, сравнивая город Глупов со столицей Италии, говорит: «...в Риме сияло нечестие, а у нас — благочестие, Рим заражало буйство, а нас — кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас — начальники» (279)¹⁵. Даже сама форма повествования в «Истории одного города» заключала в себе пародию на ту реакционную историографию, которая сводила историю России к рассказу о жизни и смене царей.

¹⁴ Ср. в упоминавшейся статье А. Гукасовой высказывание о пушкинской повести: «В Истории села Горюхина» Пушкин, конечно, не случайно упоминает видных историков XVIII века, положивших начало родной истории. «Обращусь ли к истории отечественной, что скажу я после Татищева, Болтина и Голикова? — задает вопрос явным тоном Белкина Пушкин, обращаясь к истории села, к тому единственному роду истории, который не истощен многуучеными и добросовестными мужами, то есть учеными историками... «История села Горюхина», где так много внимания уделено образу правления, полемизирует с Болтиным, который в вопросе о «первенствующей причине в устройении и образовании человека» следовал тем, кто, как он сам писал, «держался средней дороги...» Но «История села Горюхина», где так много внимания уделено жизни народа, его бесправной судьбе, ближе всего, пожалуй, полемизирует с Татищевым, дополняя открытую им «Русскую правду» другой правдой — «Русской Правдой Пестеля» (А. Г. Г у к а с о в а. Цит. статья, стр. 108—109).

¹⁵ Об отношении Салтыкова-Щедрина к Погодину, его исторической школе и характере пародии на нее в «Истории одного города» см. статью М. О. Г а б е л ь «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина» («Научные записки Харьковского пед. ин-та», т. 3. Харьков, 1940, стр. 87—91).

Обращение Пушкина и Салтыкова-Щедрина к прошлому, введение в рассказ так называемого исторического материала преследовало определенную цель: глубже раскрыть настоящее и таким образом усыпить бдительность царской цензуры. Что же касается некоторого сходства у Щедрина отдельных градоначальников с реальными историческими деятелями прошлого, современной действительности с «веком минувшим», этим сходством сатирик подчеркивал преемственность между прошлым и настоящим, живучесть первого во втором и бичевал в «Истории одного города» и то и другое. В этом не только сходство пушкинской и щедринской «Историй», но и различие: такого сложного, органического взаимопроникновения современного и прошлого в «Истории села Горюхина» нет.

Близки по смыслу главы «Баснословные времена» и «Органчик». Рассказу о приезде приказчика в Горюхино соответствует, на наш взгляд, рассказ о приезде в Глупов Брудастого. По словам Белкина, приказчик, приняв «бразды правления... приступил к исполнению своей политической системы...», «главным основанием» которой «была следующая аксиома: чем мужик богаче, тем он избалованнее — чем беднее, тем смирнее. Вследствие сего ++ старался смирности вотчины как о главной крестьянской добродетели» (195; разрядка наша. — Ю. Г.). Следствием этой «системы» явилось обнищание горюхинцев: «Горюхино приуныло, базар запустил, песни Архипа-Лысого умолкли. Ребятишки пошли по миру... и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминания горестного» (195). Письмо барина с предписанием слушаться и беспрекословно повиноваться, а также «политическая система» приказчика, вкрай разорившая горюхинцев, нашли отражение в «Истории одного города» в образе жестокого «органчика» Брудастого с его административным девизом: «не потерплю», «разорю». Этот градоначальник, как и все остальные в «Истории одного города», тоже заботился о «смирности» глуповцев, вследствие чего «Глупов приуныл, нет более оживленных сходок за воротами дома, умолкло шелканье подсолнуха, нет игры в бабки! Улицы запустили» (292). Здесь следует обратить внимание на то, что для изображения последствий административной системы «органчика» Щедрин употребил пушкинские глаголы, лишь приспособив их соответственно к своему контексту: «приуныл», «умолкло», «запустили» (в «Истории села Горюхина» — «приуныло», «умолкло», «запустили»).

В главах «Голодный город» и «Войны за просвещение» развивается та же мысль, что и в повести Пушкина: нищета и телесные наказания — экзекуции — являлись уделом жизни народа. За время правления Бородавкина, говорится в щедринской «Истории», ни один глуповец не мог указать на своем теле несеченого места, «просвещение» их разорило, сделало нищими.

Горюхинцев и рядовых глуповцев роднит общность исторической судьбы: тех и других «секут», и это «сечение» закономерно приводит к «бунту». В черновых вариантах пушкинская повесть завершается картиной восстания, в конце «Истории одного города» — та же картина восстания, переданная символическим образом «смерча», который сметает угрюм-бурчевых и прекращает их глуповскую историю.

В повести о Горюхине Пушкина уже намечен образ протестанта. — упоминаемый земский Терентий, о котором сказано, что он многократно страдал «за свое искусство, услужливость и участие в разных замечательных происшествиях» (189), в дальнейшем развитии сюжета должен был «играть важную роль». Но читатель этого не увидел — намерение автора не осуществилось. В «Истории одного города» также упоминаются противники глуповской власти, подвергавшиеся преследо-

ваниям. Летописец говорит «о некоем дворянском сыне Ивашке Фарфонтьеве, который был посажен на цепь за то, что говорил хульные слова, а слова те в том состояли, что «всем-де людям в еде равная потреба настоит, а кто-де ест много, пускай делится с теми, кто ест мало». «И сидя на цепи, Ивашка умре», — прибавляет летописец. В правлении градоначальника Миколадзе «тридцать три философа были рассеяны по лицу земли» за то, что, по словам летописца, «нелепым обычаем говорили: трудящийся да яст, нетрудящийся же да вкусит от плодов безделия своего». При Беневоленском был «подвергнут распросным речам сын Алешка Беспятов...», и он тоже «от распросных речей да с испугу и с боли умре» (423).

И Пушкин и Щедрин могли коснуться темы протестантов лишь вскользь, одними намеками.

Общим для обеих «Историй» является включение этнографических описаний. У Пушкина они менее подробны, окрашены легким юмором (упоминания о браках, обрядах похорон и др.). У Щедрина же эти описания, особенно в главе «О корени происхождения глуповцев», даны в резко сатирическом плане, в духе фольклорной фантастики.

В пушкинской повести о горюхинцах сказано, что они «добронравны, трудолюбивы... храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя и славятся в околке кулачными бойцами» (187). О воинственности головоотяпов пишет и Салтыков-Щедрин, но уже в ироническом смысле. По словам летописца, головы у них были крепкими, и головоотяпы «перетяпали» всех простодушных соседей (280).

Можно отметить и сходство в описании торговых занятий горюхинцев и глуповцев: «Жители Горюхина издавна производят обильный торг лыками, лукошками и лаптями. Сему способствует река Сивка, через которую весною переправляются они на челноках, подобно древним скандинавам, а прочие времена года переходят в брод, предварительно засучив портки до колен» (187—188). Город Глупов, «производя обширную торговлю квасом, печенкой и вареными яйцами, имеет три реки...» (279). В этих описаниях употребляются однотипные слова и обороты («производят обильный торг» — «обширную торговлю»), с тремя однородными словами («лыками, лукошками и лаптями» — «квасом, печенкой и вареными яйцами»), указываются реки (в Горюхине одна река, в Глупове, пространственно большем, их три).

Салтыков-Щедрин в «Истории одного города» отчасти последовал за Пушкиным и в выборе языка повествования. Это ощутимо в обращении к эзоповской манере выражения мыслей, в стилизации под летописный слог с его архаическими словами и оборотами. Но юмористическая архаизация языка и стилизация под старинный слог у Салтыкова-Щедрина еще более искусны, чем у Пушкина. Сатирик остается верен себе, своей привычной манере и в этом случае: он цитирует из «источников» преимущественно то, что звучит обличительно: «И прибых собственною персоною в Глупов и возопи: — Запорю!»; «И сидя на цепи, Ивашка умре»; «воздыхали не ослабляючи, вопияли сильно» и т. д.

Наблюдения над сопоставляемыми произведениями неопровержимо свидетельствуют о существующей между ними идейной и художественной преемственности. Творчески развивая, а не копируя пушкинский опыт, Салтыков-Щедрин в условиях жестокой царской цензуры сумел сделать почти невозможное, причем для этого ему пришлось пользоваться разнообразным арсеналом отвлекающих средств, без чего «История одного города» не вышла бы в свет.

Своей цели писатель достиг, но его намерения для многих современников оказались неясными, что вызывало разноречивые мнения об «Истории», даже обвинения в глумлении над народом, против чего сатирик решительно возражал.

Вопрос о степени и характере влияния одного произведения на другое, если их авторы — гениальные художники слова, — далеко не простой. Подтверждение этому — идейно-художественная связь пушкинской и щедринской «Историй». Их близость совершенно бесспорна, но не менее очевидно и большое различие. Так, в пушкинской «Истории села Горюхина» нет фантастики, гротеска, карикатуры, гиперболы, сказочных приемов, а в «Истории одного города» все это есть. К тому же произведение А. С. Пушкина, при всей его значительности, — только фрагменты, наброски, хотя и гениальные, тогда как «История» М. Е. Салтыкова-Щедрина — законченное художественное творение. Об их различии можно было бы сказать очень много, но наша задача состояла в том, чтобы отыскать прежде всего близость двух «Историй» и тем самым подкрепить конкретными доказательствами мысль, которая не раз уже высказывалась в научной литературе.

*Кафедра русской литературы
Николаевского пединститута*

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ СБОРНИК

**ВОПРОСЫ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫПУСК 1 (21)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЬВОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Львов — 1978